

Долгие годы в квартире дочери известного дальневосточного писателя Николая Митрофановича Рогалья Людмилы Рогаль хранились документы из личного архива ее отца. Не так давно они были разобраны и переданы на хранение в Государственный архив Хабаровского края. Часть документов связана с любимым детищем Н. М. Рогалья — литературно-художественным журналом «Дальний Восток».

Именно с этим изданием переплелась значительная часть жизни Николая Митрофановича. Главным редактором журнала он работал более двадцати двух лет: с 1955-го по 1977 год. В сохранившихся личных и служебных письмах, записных книжках, справках, текстах выступлений содержатся различные факты, касающиеся деятельности редакционной коллегии журнала, истории его становления, организации подписки.

Фамилия Н. М. Рогалья впервые появляется на страницах первого номера журнала за 1941 год, когда он еще выходил под названием «На рубеже». В 1947 году Н. М. Рогаль был членом редакционной коллегии, в № 5 журнала за этот год он указан уже как ответственный редактор, а в № 1 за 1955 год — как главный редактор.

Находим в архиве маленький листок бумаги, на котором Николаем Митрофановичем собственноручно записано: *«За 1933–1970 гг. вышло 225 номеров журнала. Из них: 180 номеров я член редколлегии, 123 — главный редактор»*.

Обязанности главного редактора журнала многогранны, сложны и объемны. Он отвечает за график редакционных и производственных работ, координирует работу редакторов, поддерживает связи с авторами, осуществляет контроль за содержательным наполнением как отдельных материалов, так и издания в целом, непосредственно занимается редактированием. Он и руководитель, и финансист, и хозяйственник, и психолог, и педагог — сотрудник, который выполняет многие нелитературные обязанности, и на это уходит много сил и времени. Главный редактор ответственен и перед автором, и перед читателем, и он обязан принимать решения только в интересах журнала и литературы. Главные редакторы часто открывают молодым авторам дорогу в литературную деятельность.

Николай Митрофанович Рогаль имел славу прекрасного редактора, прочитывал все материалы, поступившие в каждый номер, исследовал литературный стиль, логику изложения, смысл произведения, готовил рукопись к публикации, то есть занимался тонкой и ювелирной работой.

К сожалению, Н. М. Рогаль часто болел, но и во время болезни всегда читал поступившие в редакционный портфель авторские рукописи. Можно только удивляться, откуда он брал знания для сложной редакторской работы, ведь известно, что он не имел даже среднего образования. По-видимому, у него было особое литературное чутье, он чувствовал и угадывал новых талантливых авторов. Как редактор знакомился с рукописью, часто был ее первым читателем и проживал жизнь героев произведения, обсуждал с авторами произведения до их публикации. Он понимал, что от его деятельности во многом зависит репутация журнала, считался с социальным и культурным окружением, контактировал с партийными органами, что было обязательным в советское время, и делал это с достоинством.

Обратимся к материалам архива. Читаем записку Н. М. Рогалья, адресованную инструктору отдела культуры ЦК КПСС. В ней написано: «С января 1970 г. по август 1972 г. в редакцию поступило 2 287 произведений прозы разных авторов и жанров. Среди них — 40 романов, повестей — 320, рассказов — 965, очерков — 308.

Стихи: только от авторов-дальневосточников в 1971 г. поступило более 70 000 стихотворений. Штат журнала: 8 литературных сотрудников, включая гл. редактора и его заместителя».

И далее Н. М. Рогаль пишет: «Мы получили 2 лит. сотрудников, а объем работы возрос вдвое. Редакция не в состоянии своевременно отвечать авторам на поступающие рукописи (отвечать по существу — т. е. развернутыми рецензиями, давать заключение, советы по доработке произведений).

Ответы, решения о судьбе рукописи задерживаются подолгу. Аппарат редакции сосредоточен на материалах, запланированных к публикации текущего года. Сдача в срок очередных номеров в производство дается с трудом.

Сложно стало привлекать внештатных членов редакции, объем работы большой, а их труд не оплачивается, т. к. в смете не предусмотрен (в отличие от других журналов). Размер авторского гонорара журнала меньше, чем в других провинциальных журналах. У нас за авторский лист — 270 руб. У них («Дон», «Волга», «Сибирские огни») — 300 руб.

Прошью, с которыми не раз обращались в правление Союза писателей РСФСР:

1. Ввести дополнительно в штат редакции:

а) зав. отделом очерков и публицистики со ставкой — 175 руб.;

б) зав. редакции со ставкой — 120 руб.;

в) 0,5 ставки тех. редактора, чтобы ставка стала полной;

г) т. е. дополнительный фонд заработной платы составит 4 896 руб. (из них 816 руб. районный коэффициент);

д) восстановить журналу размер гонорара за авт. лист в среднем — 300 руб., дополнительная сумма за год составит — 6 000 руб.;

е) через комитет по печати решить вопрос о выделении редакции средств для платы за чистку материала внештатными членами редколлегии. Сумма должна быть определена в соответствии с практикой других журналов;

ж) поручить Союзу писателей РСФСР или Хабаровскому Крайисполкому, который финансирует издание журнала, предоставить в будущем году выделение журналу легковой машины со ставкой шофера.

Практическое решение этих вопросов существенно помогло бы нам создать более нормальную обстановку в работе редакции.

Гл. редактор Н. М. Рогаль».

Дата отсутствует, так как перед нами черновик письма. Но мы можем предположить, что это 1972 год, потому что рядом находятся материалы, относящиеся к этому году.

В одной из записных книжек представлены сведения о подписке на журнал «Дальний Восток» в 1965 году. Зафиксировано, что в Хабаровском крае осуществлена подписка на 1772 экземпляра. Приведены сведения и по каждому району. На отдельной странице — сведения о подписке по Амурской, Камчатской, Читинской, Магаданской и Сахалинской областям. На другой — по Приморскому краю.

Как главный редактор, Н. М. Рогаль поддерживал связи с книжными издательствами и редакциями других периодических изданий.

С марта 1971 года институт Дальнего Востока РАН стал выпускать журнал «Проблемы Дальнего Востока». По всей вероятности, Н. М. Рогалем было отправлено приветственное письмо в редакционную коллегию нового издания, откуда вскоре был получен ответ. Из письма Д. Дубровского из Москвы от шестого июля 1972 года: *«Уважаемый Николай Митрофанович! Василий Михайлович Ефименко прислал нам «тепленький» (т. е. прямо из машины) шестой номер Вашего журнала «Дальний Восток», который мы здесь называем своим побратимом. Кстати говоря, многие путают этих близнецов, не говоря уж о подписчиках и «Союзпечати», даже в «Правде» была заметка, подтверждающая, что местом издания «Проблем Дальнего Востока» является Хабаровск. Ну что ж, ничего страшного в этом нет... Спасибо за Ваши добрые слова в адрес нашего новорожденного!»*

Сохранились тексты докладов, записок, справок и отчетов, связанных с работой редакции журнала «Дальний Восток». Приведем лишь некоторые примеры. В 1976 году Н. М. Рогалем и В. М. Ефименко (зав. отделом критики и библиографии) была подготовлена большая справка «О работе редакции журнала «Дальний Восток» по выполнению Постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» для секретаря правления Озерова. В архиве сохранился план доклада Н. М. Рогалья секретарю крайкома КПСС Лапшину; справка «Об основных публикациях журнала «Дальний Восток» в 1975 года, составленная 10 октября 1975 года; доклад на секретариате СП РСФСР 22–23 ноября 1973 года «О публицистике, очерках, критике и библиографии в журнале «Дальний Восток»; доклад на собрании представителей общественности 22 октября 1973 года «40 лет журналу «Дальний Восток»; выступление «Главное — наша современность» (17 января 1977 г.).

Необходимо отметить, что, встретившись в журнале с некоторыми членами редакционной коллегии, Н. М. Рогаль сохранил с ними дружбу на всю жизнь. Сохранилась переписка с бывшими членами редколлегии журнала, которые покинули и редакцию, и Дальний Восток. Среди них: А. А. Плешков (А. Гай), Д. Д. Нагишкин, А. С. Пришвин и другие.

Самое большое количество писем, хранящихся в архиве Н. М. Рогалья, от Александра Антоновича Плешкова (А. Гая) — поэта, публициста, критика, в течение нескольких лет в 1940-х годах главного редактора журнала «Дальний Восток». Это двадцать три очень подробных письма разных лет, написанных каллиграфическим почерком. Письма дают представление о взаимоотношениях и дружбе двух писателей и могут стать объектом самостоятельного исследования. В своих письмах А. А. Плешков размышляет о ситуации в литературных кругах, спорах о том, что должна давать литература народу, о совещании в ЦК по литературным вопросам (в письме от 23.12.56 г.), которое вел Л. И. Брежнев, и, конечно же, о журнале «Дальний Восток». Остановимся на некоторых письмах подробнее.

В письме от пятнадцатого июля 1955 года из Москвы А. А. Плешков пишет: *«О журнале. К сожалению, кроме авторского № 2, я вовсе не знаю, что было в остальных номерах этого года: раньше регулярно брал его в Союзе писателей, а теперь, конечно, нет — и нигде больше «ДВ» не вижу. Дурак, — ведь можно же было оформить у вас подписку, так же, между прочим, как и на «ТОЗ».*

Опасения твои насчет перехода на ежемесечный выпуск очень понятны. Нагрузка будет крайней — и прежде всего для редактора. (Между тем, я уже дважды слышал последнее время, что у тебя опять было худо со здоровьем.) И в то же время, понятно, хочется видеть “ДВ” ежемесечным.

Тут что, как я думаю, главное:

портфель — чтоб он был обеспечен раньше всего прозой — более или менее крупными «кирпичами» на два-три номера каждый; тогда бы, сосредоточив главные усилия на них, можно было б спокойней и легче собирать и подверстывать все остальное помельче;

возможность привлечения для работы над этими крупными вещами внештатных редакторов, — ведь такая практика существует в других ежемесечниках — значит, видимо, можно ставить вопрос о ней и для “ДВ”; а если б обеспечить таким образом крупную прозу, то это уже половина дела;

по публицистике и критике — наметив в основе план на будущий год, — сейчас же списаться с надежными авторами по заказам на более крупные статьи и очерки; когда и эти материалы, да еще более или менее квалифицированные, будут обеспечены, — дышать тоже станет легче;

при всех обстоятельствах — тебе нужен крепкий заместитель (это условие, может быть, даже надо поставить первым) — такой, чтоб он мог, действительно, хорошо и во всех отношениях толково работать и чтоб с него можно было спросить. (У тебя их сейчас два — и один мог бы быть таким; но, видимо, умыл руки, а второй, вероятно, еще молод и неопытен), — и надо, стало быть, его готовить.

Все “четыре” истины, конечно, не новы... И именно с такой точки зрения надо расставлять силы: главное — журнал, а отделение СП — потом, ибо славен будет ежемесечный журнал — в чести станет ходить и отделение. Вот, брат, какие краткие “советы издадека” приходят мне в голову!»

В следующем письме, уже от двадцать второго августа 1955 года, А. А. Плешков вначале пишет: «К нам все приходят грустные вести о тебе: что ты нездоров и часто лежишь, и что опять был серьезный эксцесс со стороны сердца. В чем же это дело, отчего так нынче у тебя неладно? Может быть, перегрузился с журналом, где у тебя, кажется, и помощники, к сожалению, не ахти какие. Но как рассказывал Глуценко, материалу у вас все же вдоволь — есть загон на несколько номеров вперед. Так надо воспользоваться этим... перевести дух, пожить более или менее спокойно. Иначе можно вовсе сорваться даже и при твоей железной выдержке. Когда ты уходишь в отпуск и где собираешься его проводить? Непременно надо выехать тебе... хотя бы на Хор, а то в Хабаровске все равно будет заедать всевозможная “текучка”, и с твоим характером при уже установившейся повсеместно привычке: как что, так идти к Рогалю, — не дадут тебе покоя».

В письме от одиннадцатого апреля 1956 года А. А. Плешков пишет: «Дорогой Николай Митрофанович! Вчера был в Союзе, разговаривал с Марковым и от него узнал, что ты, оказывается, опять слег и к тому же серьезно...

Тогда он рассказал мне, что ты — лежишь со стенокардией и работать не в состоянии, журнал остался фактически без руководителя, т. к. хотя взамен тебя и пришел временно Пришвин А. С., но Пришвин прислал ему, Маркову, возмущенное письмо о том, что и недели не хочет больше тянуть редакторскую лямку, да еще за 1100 рублей.

Марков, как мне представляется, обеспокоен и тоном этого письма, и еще больше особенно тем, что, по связи со всем этим, затрудняется дальнейшее продвижение дела о переводе журнала на ежемесечный выход. Он говорил, что делом этим занимается все последнее время, убедил Ажаева: “надломи”, как он

выразился, “внутреннее сопротивление”, бывшее у Поликарпова. Наступил момент, когда надо окончательно перенести вопрос в верха. Чтобы входа туда с предоставлением от Союза — не выступить вразнобой с Хабаровским крайкомом, а выдвигать с ним одни и те же мотивировки и обоснования, — Марков решил запросить из Хабаровска копии соображений или решений, в общем бумаг, какие были в крайкоме по поводу необходимости перевода журнала в ежемесячный. Запросил он уже около месяца назад, но до сих пор никто не ответил ему ни из Крайкома, ни из журнала и ничего не прислал. В результате он недоумевает — как же так, не знает, что пока теперь предпринимать, — и все дело застопорилось».

Вероятно, все возникшие проблемы были решены положительно, Николай Митрофанович Рогаль перестал возглавлять писательскую организацию и сосредоточился на журнале, но писательские дела коллег волновали его постоянно.

В письме домой из Ялты восьмого сентября 1959 года он пишет, что решен вопрос положительно о переиздании его книги в издательстве «Советский писатель», и далее: «*Машенька! Я послал письмо Ефименко. На всякий случай позвони ему и скажи, чтобы на 3-й странице обложки выходящего скоро 5-го номера дали такое объявление “К сведению читателей нашего журнала: роман Георгия Маркова “Соль земли” (книга 2-я) будет печататься в журнале “ДВ” с 1-го номера 1960 г. Редакция.*»

Если обложка уже напечатана, то тогда дать листовкой, вклейкой в номер, но лучше на обложке».

Н. М. Рогаль опекал молодых авторов, поддерживал их в трудные минуты их жизни, приглашал к сотрудничеству в журнале уже известных прозаиков, поэтов, журналистов.

Приведем замечательные строки из письма писателя Евгения Ивановича Наумова из г. Анадыря от двадцать пятого марта 1977 года: «*Николай Митрофанович! Вы для меня всегда есть и остаетесь Человеком с большой буквы, примером стальной воли и упорства, и большой души... В самые трудные моменты жизни Вы мне помогли не словом, а делом... поддержкой мне были Ваши слова, сказанные перед Читинским семинаром: “Какую бы оценку твоей повести ни дали, мы ее напечатает в журнале”... И, разумеется, многое дала мне школа работы с Вами... всю жизнь вдали от Хабаровска я ощущал какую-то незримую Вашу поддержку, которая время от времени выражалась в том, что давали в журнале то очерки, то мои “проблемы и суждения”, то рецензию на мою книгу, то передавали друзья, что Вы сказали на совещании редакционной коллегии, что надо запросить Наумова, какие материалы он предложит, то вдруг моя фамилия обнаруживалась в проспекте журнала. Каждый раз было тепло на душе... Вы человек, перед которым у меня неоплатный моральный долг... И сейчас мне вновь помогает жить Ваша могучая поддержка».*

В одну из записных книжек вложен листочек, черновик текста поздравления с днем рождения корреспондента газеты «Тихоокеанская звезда» О. А. Тарасовой: «*Дорогая Ольга Акимовна! Редакция журнала «Дальний Восток» в целом и все мы порознь шлем Вам сегодня самые сердечные поздравления и пожелания в связи с достижением возраста, когда все хорошие журналисты берутся за написание очерковых и прочих книг и стремятся публиковаться в журналах. Открываем Вам «Зеленую улицу». Дружески обнимаем.*»

Дальневосточные авторы делились с Николаем Митрофановичем мыслями по поводу создания своих произведений, рассуждали о трудностях литературного творчества. Из письма дальневосточного писателя Василия Трофимовича Кучерявенко от шестнадцатого февраля 1964 года: «*... 14 февраля, в этот день я написал главу, которая меня озарила... Я нашел в ней то самое главное, что надо было*

сказать всей повестью... Как трудна эта повесть для меня, я сам удивляюсь, даже думал бросить все...

Я понимаю, что литература это работа, а не служба, работа очень трудная, трудоемкая, одним словом творческая работа...

Обидно, что живут еще среди нас этакие литературные пижоны, стилиаги, которые на литературу смотрят как на игру в писателей, как на забаву лично для себя».

В архиве хранится три письма от писателя, краеведа и востоковеда Георгия Георгиевича Пермякова. В письме от девятого января 1972 года он пишет: *«Во Владивостоке нельзя добыть “Дальний Восток”, а только по подписке. Есть жалоба об этом начальнику Приморской Союзпечати. То же в Челябинске. В Москве люди тучами спрашивают “Дальний Восток” по киоскам, но не могут его добыть.... Нет журнала и в Уссурийске, что проверил в этом году сам. Вероятно, нужна следующая фаза: розничирование тиража».*

Переписка связывала Н. М. Рогалю и с писателем А. С. Пришвиным, который в 1948–1955 годах был главным редактором журнала «Дальний Восток». В одном из писем к Н. М. Рогалю он пишет: *«Мы, недавно, собирались у Гая всей дальневосточной эмиграцией: Пришвины, Гай, Еселев, Шундик, Задорновы, Проскурины. Много смеялись. Шутили, и в большинстве случаев тепло вспоминали родные края. В мае будет совещание редакторов журналов. Не приедешь ли ты? Кстати, узнал, что в журнале “Дальний Восток” самый высокий в стране гонорар на номер. Молодцы ребята!»*

А в письме от двадцать пятого марта 1975 года он пишет: *«Умер Гай. Печально, очень печально, умер очень хороший душевный человек. Ушел и никогда не вернется. Грустно, очень грустно».*

Второго ноября 1977 года уходит из жизни и Н. М. Рогаль. Семья сохранила все присланные телеграммы и соболезнования. Их в архиве тридцать семь, в том числе семнадцать от частных лиц, двадцать — от учреждений и общественных организаций. Приведем текст лишь одной — от писателя А. Пчелкина из поселка Палатка Магаданской области: *«Он много сделал для нас, не так давно еще молодых, для развития и сплочения всех писательских сил Дальнего Востока. А те, кто знал его лично, никогда не забудут его человеческого участия, доброты, отзывчивости. И трудно поверить, что в вашем здании в фойе редакции и Союза нам уже никогда не встретить этого крупного обаятельного человека, нет слов, чтобы это выразить».*

